

BÁRÁNY BÉLA

TANULMÁNYOK
A XX. sz.
VILÁGIRODALMÁBÓL

BÁRÁNY BÉLA

Tanulmányok a XX sz. világirodalmából

Jegyzet

a II. Rákóczi Ferenc Kárpátaljai Magyar Főiskola hallgatói számára

Закарпатський угорський інститут ім. Ф. Ракоці ІІ
II. Rákóczi Ferenc Kárpátaljai Magyar Főiskola

Rákóczi füzetek - XXXVIII

BÁRÁNY BÉLA

Tanulmányok a XX sz. világirodalmából

Jegyzet
a II. Rákóczi Ferenc Kárpátaljai Magyar Főiskola hallgatói
számára

PoliPrint Kft. – KMF
Ungvár – Beregszász – 2008

Закарпатський угорський інститут ім. Ф. Ракоці II
II. Rákóczi Ferenc Kárpátaljai Magyar Főiskola

Bárány Bóla / Барань Адальберт

Tanulmányok a XX sz. világirodalmából

A háború és a hatalom témája a XX sz. magyar, orosz és amerikai irodalom tükrében (Kertész Imre „Sorstalanság”, Vaszilij Grosszman „Élet és sor”, Jones James „Most és mindörökké” c. regények alapján)

Збірник наукових робіт із зарубіжної літератури ХХ століття

Тема війни і влади в дзеркалі угорської, російської та американської літератури ХХ століття (на основі романів Імре Кертеса «Знедоленість», Василя Гроссмана «Життя і доля», Джеймс Джонса «Звідси у вічність»).

Jegyzet a II. Rákóczi Ferenc Kárpátaljai Magyar Főiskola
hallgatói számára

Збірник лекцій для студентів
Закарпатського угорського інституту ім. Ф. Ракоці II

A kiadásért felel: Orosz Ildikó és Soós Kálmán

Korrektúra: a szerző

Tördelés: Garanyi Béla

Vідповідальні за випуск: І. Орос, К. Шовиш

Коректура: автор

Верстка: А. Гороній

A kiadvány megjelenését az

**Apáczai
Közalapítvány**

támogatta

Nyomtatás:

PoliPrint Kft.

Ungvár, Turgenyev u. 2.

Felclős vezető: Kovács Dezső

СОДЕРЖАНИЕ

Bevezetés	7
Вступ	8
Идейно-психологическая концепция романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба» в зеркале литературной критики 1985–2003 гг.	9
Интерпретация художественной реальности «магических сил» света, звука и цвета в романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба» и И. Кертеса «Обездоленность»	30
Солдатская судьба и военное искусство в романах В. Гроссмана «Жизнь и судьба» и Дж. Джонса «Отныне и вовек»	44

Bevezetés

A tanulmányokban a XX századbéli magyar, orosz és amerikai irodalom három nevezetes szerzőjének művei kerülnek összehasonlításra. Ezek Kertész Imre «Sorstalanság» c. Nobel díjas regénye, Vaszilij Grosszman «Élet és sors» és Jones James «Most és mindörökké» c. alkotásai. A jegyzet három tanulmányt tartalmaz, amelyek arra hívják fel az olvasó figyelmét, hogy a borzalmak, amelyek részletes ábrázolást kapnak mindhárom író regényében nem kerülnek el a XXI századot sem. A regények egyforma hangnemben a szeretet nélküli világ katasztrófájáról szólnak. A tanulmányok célja bebizonyítani az olvasónak azt, hogy Kertész Imre «Sorstalanság», Vaszilij Grosszman «Élet és sors» és Jones James «Most és mindörökké» c. regényei nemcsak a politikai helyzetről, a második világháborúról és a zsidó nép kiirtásáról szólnak, hanem elsősorban az ember helyzetéről és lelki világáról a totalitarizmus korszakában, az ifjúságról, amely a koncentrációs táborokban és földalatti rejtékhelyeken telt el, a katona sorsáról a második világháború hadműveleteiben. A regényekben leírt tragikus események és az összefoglalt gondolatok a tanulmányokban újra meg újra elgondolkodtatják az olvasót azokon a jelenségeken amelyek az egyik társadalmi csoport erőszakos uralmát okozhatják egy másik társadalmi réteg fölött, akár napjainkban is, abban a korszakban amely a politikai korrektség és emberi viselkedésmód humánus értékrendje szerint működik.

A tanulmányokban leírt nézetek hasznosak lesznek a felsőoktatásban részt vevő hallgatók számára. A XX. század világirodalma c. tárgyból bővítik azok tudását, akik a világirodalmat szaktárgyként tanulják.

Вступ

Збірник наукових статей із світової літератури присвячений дослідженню і порівнянню романів трьох величних постатей культури Угорщини, Росії та США ХХ століття, а саме Нобелівського шедевр Імре Кертеса «Знедоленість», монументального твору Василя Гроссмана «Життя і доля» та відомого роману американського новеліста Джеймс Джонса «Звідси у вічність».

До збірника увійшли три наукові роботи. Вони привертають увагу читача на жахіття, описані в романах І. Кертеса, В. Гроссмана і Дж. Джонса, які не обминули і ХХІ століття, про що застерігають нас і автори цих творів. Спільним у романах трьох різних традицій і країн є те, що вони описують катастрофу всесвіту, в якому немає любові. Ці твори не про політику, не про Другу Світову війну і не про долю єврейського народу. В наукових статтях зроблено спробу довести, що ці романи, перш за все, про людину, її душевний світ в умовах тоталітаризму, про молодість, проведену в бомбосховищах і жахливих концентраційних таборах, про долю солдата в Другій Світовій війні. Трагедії жертв, через які змальовані події в романах, допоможуть читачеві знову і знову передумати всі ті явища, які ведуть до зверхнасилья однієї групи над іншою, в якій би то не було форми – фізичній чи юридичній, навіть в епоху відповідності всім нормативам політичної коректності і вимогам, які входять в рамки гуманістичних цінностей.

Погляди, описані в наукових статтях, будуть корисними і збагатять знання студентів вищих навчальних закладів з педагогічним профілем, які вивчають зарубіжну літературу ХХ століття як фаховий предмет.

Идейно-психологическая концепция романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба» в зеркале литературной критики 1985–2003 гг. *

В литературе 40–60-х годов есть писатели, которые в своих произведениях затронули сложные душевные принципы человеческого бытия, вывели образы с собственным мировоззрением и восприятием действительности, личной оценкой богатой, славной и противоречивой истории прошлого века. К числу этих писателей относится и Василий (Иосиф) Гроссман. Его роман «Жизнь и судьба» можно назвать шедевром. По мнению В. Войновича, если бы этот роман был опубликован в то время, когда был закончен, т.е. в 1960 году, он стал бы мировой литературной сенсацией. Но следует отметить, что в то время сенсации не произошло. Произошло нечто другое. Этот случай даже в истории многострадальной советской литературы является абсолютно уникальным. До этого происходило, конечно, что арестовывали автора и забирали все его бумаги без разбора или с разбором, но здесь был арестован не автор, а сам роман (Войнович 1989: 9). Но когда на квартиру Гроссмана явилась оперативная группа для изъятия рукописи этой великой книги, одна ее копия уже была надежно укрыта.

Прежде чем приступить к выявлению особенностей идейно-психологической концепции в романе, следует обратить внимание на главные исходные источники замысла и мотива к написанию Гроссманом «Жизни и судьбы». Роман

---

* сокращенный вариант статьи был опубликован в:

Барань А. Б. (2006): Идейно-психологическая концепция романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба» в зеркале литературной критики 1985–2003 гг. In: Русский язык и литература. Проблемы изучения и преподавания в школе и вузе. Сборник научных статей. Л. А. Кудрявцева, Л. В. Вознюк и др. ред. Киев. 237–240.

написан соответственно классической традиции реализма, который, с точки зрения В. Войновича, можно назвать критическим, а можно вообще обойтись без прилагательных. Во всяком случае, к социалистическому псевдореализму он отношения не имеет и отличается от классических образцов этого направления, как живой организм отличается от муляжа (Войнович 1989: 9). А соответственно размышлениям Лейдермана и Липовецкого, Гроссман в «Жизни и судьбе» верен соцреалистической эстетике, однако же строит свой сюжет вокруг проблем, взрывающих соцреалистическую мифологию. Писатель посмел намеренно затронуть и дать ответы на такие неприятые и необычные в то время вопросы, которые связаны с сверхнасилием тоталитарных систем, сходством между сталинским социализмом и гитлеровским нацизмом, превращением человека в раба режима и возможностью освободиться от гнета тоталитарного режима (подробнее см. Лейдерман и др. 2001: 144). Этот роман, как сказано в работе Д. Джилеспай (David Gillespie), есть одним из самых разрушительных произведений, когда-либо вышедших из-под пера советского писателя, он вскрывает убийственную силу сталинизма и предъявляет ему обвинение: «[...] the novel “one of the most damning indictments of Stalinism, and arguably the most subversive piece of literature ever to have been penned by a Soviet writer”» (Gillespie 1993: 77). Исходя из этих размышлений, мы восхищаемся смелостью, мужественностью писателя в его намерении раскрыть оружием авторского пера истинные ответы на вышеставленные вопросы и с пониманием воспринимаем подзаглавие, которое желал бы присвоить этому славному роману Р. Ламонт (Rosette Lamont): «The subtitle I would give Grossman’s book is “The Courage to Tell and Show all”» (Lamont 1985: 48).

Конструкция и план романа близки к роману «Война и мир». А как замечает в своей работе Дж. Гаррард (John Garrard), Гроссман даже свою повествующую стратегию заимствует от Л. Толстого: “Grossman could well have borrowed his narrative strategy

from Lev Tolstoi, whom he follows in alternating literal and figurative metaphors” (Garrard 1991: 337). По мнению Р. Ламонта: “Zyzn’ i sud’ba, [...], is a great epic work in Tolstoyan tradition” (Lamont 1985: 48). Интересное замечание у Ш. Маркиша, титулованного Ф. Эллисом в переводе с английского языка высокой степенью профессионального мастерства – «специалистом по Гроссману» (Ellis 1990: 654), что Гроссман шел, не таясь, за Толстым «Войны и мира» (Маркиш 1997: 74). А с точки зрения С. Липкина, при чтении романа «Жизнь и судьба» «неволью возникает сравнение с «Войной и миром». Параллель с планом «Войны и мира» была откровенным приемом, и приемом осталась. У Толстого в центре романа семья Ростовых, у Гроссмана – семья Шапошниковых [...]» (подробнее см. Липкин 1988: 100). Толстовские высказывания мы слышим и из уст героев романа: Каценеленбоген отмечал: «Толстой объявил – нет в мире виноватых» (Гроссман 1990: часть III, гл. 6, стр. 337), в разговоре Виктора Павловича Штрума с Женей: «Толстой, помните, по поводу смертных казней сказал: “Не могу молчать!”». А мы молчали, когда в тридцать седьмом году казнили тысячи невинных людей» (Гроссман 1990: часть III, гл. 26, стр. 373). Вспоминает Толстого в своих словах и татарин в разговоре с Мадьяровым: «Пока будут живы татары, они за Толстого молиться будут Аллаху» (Гроссман 1990: часть I, гл. 66, стр. 149). Как и роман Толстого, «Жизнь и судьба» Гроссмана – роман-эпопея, охватывающая огромное историческое и временное полотно. При рассмотрении структуры произведения мы замечаем, как и у Толстого, что сцены войны и сцены мира одинаково важны в романе. При этом, иллюстрируют и Кулиш с Оскоцким, Василий Гроссман сосредоточивает свое внимание на самом трудном, переломном этапе войны – Сталинградской битве. И не столько даже на самой битве, хотя она представлена почти с хронологической точностью, сколько на времени, которое пережила наша страна, весь советский народ (Кулиш и др 1988: 29-30). Это трагическое время битвы, за показаниями

Дж. Гаррарда, втягивает Гроссмана в конфликт более масштабного значения, чем варварские столкновения на улицах разрушенного города. Для писателя Сталинград стал местом освободительной борьбы против рабовластия гитлеровской Германии и сталинской России: “For Grossman, however, Stalingrad involved a conflict more universal than the savage war of attrition fought in the streets and sewers of the ruined city. It was a struggle for freedom against enslavement by either national-socialist tyranny, Adolf Hitler’s Germany or Stalin’s Russia.” (Garrard 1991: 336). А с точки зрения Д. Джилеспай, Сталинградская битва служит основой для проведения сравнительного анализа между неразрывно одинаковыми стилями советской жестокости и фашистского нацизма: «“Zhizn’ i sud’ba” (Eng. Life and Fate), published in 1988, uses the background of the Battle of Stalingrad to analyze the essential similarity of Soviet-style tyranny and Nazism» (Gillespie 1993: 77).

Если описываемые или называемые в романе события выстроить во временной последовательности, то они охватят период от 30-х годов до середины 1943-го, а некоторые будут устремлены и в перспективу послевоенных лет (Кулиш и др. 1988: 29–30).

Война была поворотным пунктом и в жизни и судьбе самого Василия Гроссмана. Писатель провел на фронтах почти все четыре года войны. Правда – не солдатом и не боевым офицером, а корреспондентом главной военной газеты «Красная звезда». Как твердит Ш. Маркиш, он видел буквально все – позор, отчаяние и ужас бегства, развалины городов и деревень, гетто и лагеря смерти, восторг победы и торжество победителей. Среди личных обстоятельств военной поры главным для Гроссмана была гибель его матери в бердичевском гетто. «[...] Роман Гроссмана “Жизнь и судьба” посвящен памяти матери Екатерины Савельевны, не усхавшей из Бердичева из-за того, что не на кого было оставить больную племянницу Натану. Екатерина Савельевна была учительницей французского языка; люди, видевшие ее в гетто, рассказывали Гроссману, что

она продолжала там заниматься с детьми [...] – все они были расстреляны вместе с нею» (Маркиш 1997: 45–48).

В центре психологической концепции Гроссмана стоит проблема бытия личности в нечеловеческих условиях II Мировой войны. Война для писателя – не игра в героизм, не сфера красивых подвигов, а суровая необходимость, в которой человек, оставаясь человеком, защищает свои интересы, проявляет волю и стремление к свободе, личной независимости. Роман Гроссмана, словами Дж. Гаррарда, это не гимн славе человеческой силы, а могучему усилию, которое вселяет надежду даже в условиях насилия и жестокости: «Grossman's novel is not a cheerful paean of praise to human strength and self-sacrifice but rather an effort to discover hope in the midst of fearful violence and cruelty» (Garrard 1991: 338). Война – это среда, в которой раскрывается человек со всеми заботами и нуждами, убеждениями и надеждами. Для Гроссмана важно было исследовать человека, его чувства, сознание, поведение в экстремальных условиях войны, способность человека в силу заложенных в нем общественными условиями и природой свойств творить добро и зло. Но если обратим внимание на слова Кулиша и Оскоцкого, то мы замечаем, что Гроссман не ограничивается исследованием судьбы только отдельного человека. Через конкретных людей он прослеживает жизнь и деятельность социальных образований различных типов, вплоть до государств. В романе каждый человек – значительная личность, которая вместе с другими вершит судьбы исторических событий (Кулиш и др. 1988: 32–33).

Важным в изучении социальных явлений и процессов есть психологический подход и метод. А. Г. Коваленко тоже подтверждает, что психологический анализ у Гроссмана помогает рассмотреть одну из составляющих глобального конфликта эпохи – внутреннюю жизнь человека в тоталитарном государстве (Коваленко 1991: 31). Своеобразно указывает в своей работе на угрожающую, насильственную идеологию

тоталитарного режима Гитлера и Сталина Дж. Гаррард: «Powered by modern technology and fuelled by ideology, the totalitarian regimes of Hitler and Stalin assaulted the human psyche, body, and spirit with unprecedented fury» (Garrard 1991: 338).

А как рассуждает Лейдерман с Липовецким, два начала – на первый взгляд несовместимых, противоположных – постоянно стыкуются в том образе тоталитаризма, который создает на страницах своего романа Василий Гроссман. С одной стороны, вечное, непрекращающееся, прямое или замаскированное насилие есть основа тоталитаризма. С другой стороны, поразительная демократичность, народность тоталитарного режима (Лейдерман и др. 2001: 144). На первых же страницах романа, описывая фашистский лагерь военнопленных, Гроссман констатирует:

«Сами заключенные следили за внутренним распорядком в бараках, следили, чтобы к ним в котлы шла одна лишь гнилая и мерзлая картошка, а крупная, хорошая отсортировывалась для отправки на армейские продовольственные базы [...] Казалось, исчезни начальство, заключенные будут поддерживать ток высокого напряжения в проволке, чтобы не разбежаться, а работать» (Гроссман 1990: часть I, гл. 2, стр. 9).

«Многие заключенные попали в лагерь за высказанные в разговорах с друзьями критические замечания о гитлеровском режиме, за анекдот политического содержания. Они не распространяли листовок, не участвовали в подпольных партиях. Их обвиняли в том, что они бы могли все это сделать» (Гроссман 1990: часть I, гл. 2, стр. 8).

Через эти моменты в романе Гроссман заставляет нас увидеть мощь давления колоссального государства на хрупкую душу и сознание человека. Эта сила, соответственно интерпретации Коваленко, проявляется в желании подчинить себе всего человека без остатка государственной машине, она «пристально вглядывается в его лицо огромными, светлыми глазами», лишая его суверенности мысли, чувства, сознания.

Это была «невидимая сила», которая «с гипнотизирующей тяжестью» «заставляла замирать сердце», «растворяла волю» (Коваленко 1991: 31). В проявлении мощи этой «силы» мы убеждаемся и со слов «невероятно выносливого» Иконникова в разговоре с Мостовским: «Пятнадцатого сентября прошлого года я видел казнь двадцати тысяч евреев – женщин, детей и стариков. В этот день я понял, что Бог не мог допустить подобное, и мне стало очевидно, что его нет» (Гроссман 1990: часть I, гл. 4, стр. 12).

Вершиной гроссмановского психологизма представляются страдания и прозрения Крымова в тюрьме. На этот факт обращает внимание в своей работе и Ш. Маркиш (подробнее см. Маркиш 1997: 82–83). Во взглядах и в поведении Крымова, которого люди называли до этого момента «товарищ комиссар», мы видим, как он воспринимает такие явления, как ненависть, стыд, отчаяние, сомнение. Когда следователь ударил Крымова на допросе, то у него: «[...] в первые минуты не было ни ненависти, ни физической боли. Удар по лицу означал духовную катастрофу и не мог ничего вызвать, кроме оцепенения, остолбенения» (Гроссман 1990: часть III, гл. 2, стр. 327). Крымов чувствует ненависть и стыд. Он «[...] оглянулся, стыдясь часового. Красноармеец видел, как били коммуниста! [...] Били в присутствии парня, ради которого была совершена великая революция, та, в которой участвовал Крымов» (Гроссман 1990: часть III, гл. 2, стр. 327). Ненависть Крымова была несравнима ни с какой другой: «Выродок бил его. Мutilось сознание, и до судороги в пальцах хотелось броситься на особиста. Он не испытывал подобной ненависти ни к жандармам, ни к меньшевикам, ни к офицеру-эсэсовцу, которого он допрашивал. В человеке, топтавшем его, Крымов узнавал не чужака, а себя же, Крымова, вот того, что мальчонкой плакал от счастья над потрясшими его словами Коммунистического Манифеста [...] Это чувство близости поистине было ужасно» (Гроссман 1990: часть III, гл. 2, стр. 328). Крымов страдает от

отчаяния: «Он не мог осознать колоссального значения слов: “лишение свободы”. Он становился другим существом, все в нем должно было измениться, – его лишили свободы» (Гроссман 1990: часть III, гл. 2, стр. 328). И он, как считает и Ш. Маркиш, терял себя самого. Потом Крымов вспоминает, как он отзывался на аресты и исчезновения других: «Когда сажали меньшевиков, эсэров, белогвардейцев, попов, кулацких агитаторов, он никогда, ни разу, даже на минуту не задумывался над тем, что чувствуют эти люди, теряя свободу, ожидая приговора. Он не думал об их женах, матерях, детях». И только когда посадили Крымова, он понял все муки и страдания: «Ну вот теперь Крымова, большевика-ленинца, посадили. Теперь не было утешений, толкований, объяснений [...]. Все оказалось чудовищно жестоко, нелепо, бесчеловечно. Он впервые ясно понял, насколько страшны дела, творящиеся на Лубянке. Ведь мучили большевика, ленинца, товарища Крымова» (Гроссман 1990: часть III, гл. 5, стр. 334). Далее, анализируя его поведение, наблюдаем моменты сомнения у Крымова, и вероятно даже – прозрения. Ведь и сам он принимал доносы и отправлял недовольных или несдержанных на язык красноармейцев под суд военного трибунала. Позже, на допросах, Крымов убеждается, что он доносчик и предатель в прямом смысле слова. Крымов, как указывает и Л. Аннинский, впервые в жизни признает в следователе, который дает ему в зубы, ему, «знатоку рабочего движения в странах колониального Востока», не «чужака», не «плохого человека», пробравшегося на важный пост, а свое собственное отражение, самого себя в прошлом, свою непримиримость, свой фанатизм (Аннинский 1988: 262).

Читая роман «Жизнь и судьба», мы должны обратить внимание на глубочайшее проникновение писателя в характеры героев. В персонажах показаны и отрицательные, и положительные черты, все полюсы этического поведения. Вспомним выражения глаз артиллериста майора Кириллова, сидящего на нарах Мостовского: «Подобное выражение глаз

бывает у безнадежных раковых больных, – глядя в такие глаза, даже самые близкие люди, сострадав, думают: скорей бы ты умер» (Гроссман 1990: часть I, гл. 6., стр. 15). Все или почти все герои романа оказываются жертвами репрессий, несправедливости, антисемитизма, чиновничьего бюрократического произвола. Их сажают в тюрьмы, изгоняют с работы, заставляют испытать произвол, унижение и насмешки (Оскоцкий 1991: 46). Подобные ощущения испытал и пережил лично сам писатель романа, когда война и сопряженная с нею Катастрофа европейского еврейства напомнили Гроссману о его происхождении, и он принял это напоминание с той серьезностью, с чувством долга, которые отличали его во всем (Маркиш 1997: 48). В «Жизни и судьбе» Гроссман не мог остаться равнодушным к одной из самых ужасных катастроф человечества в нашем столетии. В толковании III. Маркиша, ни отношение Гроссмана к окружающим, ни отношение окружающих к нему не представляло собою психологической коллизии в мирное время. Ф. Эллис (Frank Ellis) подчеркивает, что в Америке отношение Гроссмана к сомнительным, темным сторонам советской власти считали сильно игнорирующим самим писателем до момента немецкой оккупации: «In America it has been suggested that Grossman 'largely ignored the dark side of the Soviet system before the German invasion'» (Ellis 1990: 654). Но восприятие этого отношения станет психологической и социальной коллизией для писателя во время войны, особенно, в конце 40-х годов, когда еврей типа Гроссмана, давно считающий себя «таким, как все», давно привыкший к мысли, что жидоедство – забытый пережиток, проклятого прошлого, вдруг обнаружит, как жестоко он ошибался (Маркиш 1997: 42). В работе Ф. Эллиса, Маркиш, подтверждает этот ход мыслей и точно называет день начала дороги, которая привела Гроссмана к дуэли с советской властью: «Shimon Markish, [...], endorses these assessments: 'I think that the road which led to the duel with Soviet power began for Grossman on 22 June 1941'» (Ellis 1990: 654). На изображенное Маркишем

чувственное изменение в мировосприятии писателя обращает внимание читателя и Р. Ламонт: “Simon Markish states that the novelist’s radical change of heart must be attributed to his painful but enlightening discovery of his Jewishness in the face of both the Nazi program of annihilation of the Jewish people and the insidious resurgence of official and officious anti-Jewish feeling in the Soviet Union” (Lamont 1985: 47). Аналогичные размышления возникают и у одного из центральных героев романа, физика Штрума, «который не сомневался, нет в мире человека счастливее ученого [...]»: «Он думал о том, о чем никогда не думал и о чем его заставил думать фашизм, – о своем еврействе, о том, что мать его еврейка» (Гроссман 1990: часть I, гл.16, стр.36). «Седьмого июля» напомнят о ее происхождении и матери Виктора Павловича Штрума, врачу Анне Семеновне. Она в своем письме из «района Старого города» с проволочным ограждением, куда переселили евреев, напишет сыночку, Витеньке: «Этим же утром мне напомнили забытое за годы советской власти, что я еврейка. Немцы ехали на грузовике и кричали “Juden kaput”. А затем мне напомнили об этом некоторые мои соседи [...]. “Слава Богу, жидам конец”» (Гроссман 1990: часть I, гл. 18, стр. 41). Но Анна Семеновна не теряет силу воли, подчеркивается ее необычайно уравновешенное и в тоже время печальное состояние в «средневековом гетто»: «Знаешь, Витенька, что я испытала, попав за проволку? Я думала, что почувствую ужас. Но, представь, в этом загоне для скота мне стало легче на душе. Не думай, не потому, что у меня рабская душа. Нет. Нет. Вокруг меня были люди одной судьбы [...]. В этом загоне все носят печать, поставленную на нас фашистами, и поэтому здесь не так жжет мою душу эта печать. Здесь я себя почувствовала не бесправным скотом, а несчастным человеком. От этого мне стало легче» (Гроссман 1990: часть I, гл. 18, стр. 43), несмотря на то, что она совершенно ясно видит, что их «[...] здесь собрали не для того, чтобы сохранить, как зубров в Беловежской пуще, а для убоя. По плану дойдет и до нас очередь через неделю,

две» (Гроссман 1990: часть I, гл. 18, стр. 44). Читателя поражает трагическая судьба и восхищает триумф в характере матери, женщины, человека. Анна Семеновна не падает духом, как и большинство жителей «проклятого гетто». Она продолжает лечить больных, преподает Юре уроки французского языка, зная, что их «судьба может решиться в любой день» и ее «ждет гибель». Этот момент в романе за показаниями мемуаристки в исследовании Ш. Маркиша, возможно, и идентифицирует мать Василия Гроссмана в персонаже матери Штрума (подробнее см. Маркиш 1997: 48–49). В завершении письма торжествуют материнские слова любви к сыну: «Помни, что всегда в дни счастья и в день горя материнская любовь с тобой, ее никто не в силах убить. Витенька... Живи, живи, живи вечно [...] Мама» (Гроссман 1990: часть I, гл. 18, стр. 47). Здесь следует отметить описание функции письма в романе и Р. Ламонтом, который считает, что в этом письме звучит голос, отнятый смертью у родной матери писателя. Автор сам озвучивает слова этого голоса и становится материнской душой для Русско-Еврейского народа: “The mother’s letter functions in the novel as the anima [...] of both the writer and his work. The author gives his mother the voice of which she was deprived by her tragic death; he becomes, in her stead, the maternal spirit of the Russian-Jewish people” (Lamont 1985: 47). Р. Ламонт называет письмо Анны Семеновны Штрум ее последним душевным желанием и завещанием для сына: “That letter [...], a spiritual last will and testament composed for Victor Strum” (Lamont 1985: 47). Слова этого письма есть выражением всемогущей материнской любви.

Материнскую привязанность, доброту, страдание и любовь Гроссман сумел изобразить на еще более трагическом уровне, в обстоятельствах, поистине крайних и последних – в газовой камере, на ее пороге. Картины этих событий показаны через образ майора медицинской службы, военного врача Софьи Осиповны Левингон. Действия вокруг нее разворачиваются в двух эпизодах, в запертом товарном вагоне поезда и в лагере

обреченных на гибель. В «телячьем вагоне» эшелона смерти ехали люди разных профессий и взглядов, молодые, старики, больные и дети. Софья Осиповна замечает: «Главное изменение в людях состояло в том, что у них ослабевало чувство своей особой натуры, личности и силилось, росло чувство судьбы». В этом вагоне «Желание счастья ушло, но появилось множество мечтаний: убить вшей [...] добраться до щелки и подышать воздухом [...] помочиться [...] помыть хотя бы одну ногу [...] и желание, жившее во всем теле, – пить» (Гроссман 1990: часть I, гл. 43, стр. 100). И она своеобразно констатирует: «Что в огромном постигшем людей бедствии их продолжают волновать житейские мелочи, что люди раздражаются друг против друга по пустякам» (Гроссман 1990: часть первая, гл. 43, стр. 101). Недалеко от Софьи Осиповны сидел «неподвижно» мальчик. У него было «[...] худое остроносое лицо. Ему, видимо, было лет шесть» (Гроссман 1990: часть I, гл. 43, стр. 101). Звали его Давидом. Он приехал «погостить к бабушке из Москвы, и война отрезала его от матери. Бабушка погибла в гетто [...]». А теперь они все вместе едут в концлагерь. Чувство жалости к людям усиливалось у Софьи Осиповны, когда она смотрела на Давида. «Маленький Давид вызвал в ней особую нежность, которую она никогда не испытывала к детям, хотя всегда любила детей. В вагоне она отдавала ему часть своего хлеба, он поварачивал к ней в полутьме лицо, и ей хотелось плакать, прижать его к себе, целовать частыми, быстрыми поцелуями, которыми обычно матери целуют маленьких детей» (Гроссман 1990: часть II, гл. 47, стр. 290).

Наступает последний день дороги в лагерь смерти, и с товарных вагонов «на мокрую после дождя платформу стали выходить люди» (Гроссман 1990: часть вторая, гл. 45, стр. 285). Их встречала музыка оркестра. Музыка, за словами Гроссмана, «коснувшись гибнущего, вдруг возрождает в душе его не мысли, не надежды, а лишь одно слепое, пронзительное чудо жизни. Рыдание прошло по колонне» (Гроссман 1990: часть II, гл. 46,

стр. 287). Софья Осиповна Левинтон шла вместе с Давидом, держа его за руку. У старой девы Левинтон, как замечает и Солженицын, вспыхивает материнское чувство к чужому малышу, и, чтобы быть с ним рядом, она даже отказывается выйти на спасительный для врача вызов «кто хирург?» (Солженицын 2003: 167). Эту музыку она слышала ребенком, студентом, врачом, и за размышлениями писателя эта музыка всегда волновала ее живым предчувствием будущего. Но «музыка обманула ее. У Софьи Осиповны не было будущего, была лишь прожитая жизнь». И у Давида «печальная, могучая мелодия, как чашечку, наполнила его душу до самых краев тоской по матери» (Гроссман 1990: часть II, гл. 47, стр. 289). Обреченные вместе шли на смерть. А «смерть стояла во всю громадную величину неба и смотрела, – маленький Давид шел к ней своими маленькими ногами [...] Раз еврей – все!» (Гроссман 1990: часть II, гл. 47, стр. 289). Хотя «жизнь евреев при фашизме была ужасна, а евреи не были ни святыми, ни злодеями, они были людьми» (Гроссман 1990: часть I, гл. 43., стр. 102). Человеческий поток «медленно скользил» к входу в газовую камеру. «Софья Осиповна снова прижала к себе плечи мальчика. Такой нежности к людям никогда еще не было в ее сердце» (Гроссман 1990: часть II, гл. 48, стр. 292). Они вместе переступают стальной порог газовой камеры, и, как показывает писатель, все «время сильные, горячие руки обнимали Давида, мальчик не понял, что стало темно в глазах, гулко, пустынно в сердце, скучно, слепо в мозгу. Его убили, и он перестал быть. Софья Осиповна Левинтон ощутила, как осело в ее руках тело мальчика. Она опять отстала от него. В подземных выработках с отравленным воздухом индикаторы газа – птицы и мыши – погибают сразу, у них маленькие тела, и мальчик с маленьким, птичьим телом ушел раньше, чем она. “Я стала матерью”, – подумала она. Это была ее последняя мысль. А в ее сердце еще была жизнь: оно сжималось, болело, жалело вас, живых и мертвых людей; хлынула тошнота, Софья Осиповна прижимала

к себе Давида, куклу, стала мертвой куклой»(Гроссман 1990: часть II, гл. 49, стр. 294–295).

Наиболее выразительной интерпретацией вышецитируемого фрагмента является точка зрения Ш. Маркиша, что если «письмо Анны Семеновны Штрум можно определить как трагическую лирику», то эпизоды про крестный путь Софьи Левинтон в газовую камеру, ее предсмертный монолог, ее мысль оберечь мальчика, который погибнет на мгновение раньше – «это эпический плач, с пропитанными авторскими интонациями и вздохами, авторскими слезами» (подробнее см. Маркиш 1997: 89). Возвышающими и в тоже время скорбными словами подходит к образу Левинтон и Р. Ламонт, называя непорочным зачатием момент становления Героини матерью через ее смерть: “Her motherhood in death is an immaculate conception”(Lamont 1985: 48). А проявление Софьей материнской любви – это горестный триумф над тоталитарной насильственностью: “Sofia’s love represents a bitter triumph over the totalitarian violence of the Nazi state, [...]” (Garrard 1991: 344).

Еврейский вопрос, вошедший в эпопею Гроссмана в качестве одной из кардинальных тем, помогает, как утверждает Аннинский, понять и решить общий, главный, глобальный, ключевой для Гроссмана вопрос: о соотношении насильственной, надчеловеческой структуры – и духовной устойчивости «внутреннего человека», попавшего в трагические гекатомбы двадцатого века (Аннинский 1988: 260). Гроссман не только показывает злодеяния фашизма, его кровавую, бесчеловечную практику, он изобличает философию, на которой все это покоится, идеологию, которая это оправдывает, психологию, которая снимает моральные преграды (Лазарев 1988: 222). Поразительной иллюстрацией этой трактовки есть глава о сорокалетнем бухгалтере Науме Розенберге. Немцы сделали из него «бреннера», сжигателя еврейских трупов, прежде брошенных в общие ямы, а теперь подлежащих уничтожению – для скрытия следов. Это задание он сравнивает с привычной

ему бухгалтерской работой, подсчитывая в общем количество сожженных тел за один день и в итоге – за пятидневку. «Жаль, что он не вел учет мужчин, детей, женщин [...] Женщины горят легче» (Гроссман 1990: часть I, гл. 44, стр. 102). Немцы заставляют его называть человеческие тела «фигурами». Но Розенберг называет их «люди, убитый человек, казненный ребенок, казненный старик. Он зовет их так про себя, иначе шарфюрер выпустит в него девять граммов металла [...]» (Гроссман 1990: часть I, гл. 44, стр. 102). Розенберг вспоминает, что «на прошлой неделе раскопали могилу – двести женщин, все молодые. Когда сняли верхний слой земли, над могилой встал серый пар, и охрана смеялась: “Горячие бабы!”». А далее читатель знакомится с процессом сжигания трупов: «Поверх канавок, по которым тянет воздух, кладут сухие дрова, потом дубовые поленья, они дают богатый жаркий уголь, потом убитые женщины, потом дрова, потом убитые мужчины, снова дрова, потом бесхозные куски тел, потом банку бензина, потом в середку авиационную зажигательную бомбу [...]. Потом золу кидают в яму» (Гроссман 1990: часть I, гл. 44, стр. 103), а «бреннеров» уводят в лес и заставляют копать для себя яму. Бухгалтеру удалось сбежать. Он не хочет в могилу. Но через неделю его поймали полицейские и отвели в гетто (он едет в вагоне вместе с Софьей Осиповной и Ревеккой Бухман, мамой Светланочки, которая руками сжала горло своему ребенку из страха, что его плач может раскрыть убежище на чердаке). Описываемые профессии являются абсолютным безумием даже в эпоху, когда фашизм растоптал право на жизнь, на свободу. Фашизм и человек не могут сосуществовать. Когда побеждает фашизм, как пишет Лазарев, перестает существовать человек, остаются лишь внутренне преображенные, человекообразные существа (Лазарев 1988: 222). Такими «существованиями» вместе с Розенбергом можно назвать и солдата Розе, и «начальника объекта, командира зондеркоманды» Кальтлуфта, и Антона Хмелькова, и Трофима Жученко. Они представляют обслу-

живающий персонал газовой камеры предприятия смерти. Розе привык к своей работе. Он «дежурил у смотрового окошечка, и, когда процесс заканчивался, Розе давал команду к разгрузке камеры. Кроме того, ему полагалось наблюдать за тем, чтобы дантисты работали добросовестно и аккуратно». Он не любил своей работы, «но он знал все явные и тайные выгоды ее», например, «Розе уже дважды передавал жене около килограмма золота». Он верил в «последствия политики Гитлера» и «не сомневался в том, что партия имеет одну лишь цель, – благо слабых и малых людей» (Гроссман 1990: часть II, гл. 42, стр. 283). Что касается Хмелькова, то он считал себя не «уродом», а человеком, хотя он, также как и Жученко, который закрывал герметический затвор камеры, «тоже мог выпить и побаловаться с женщиной, ожидавшей очереди. Имелась лазейка, через которую работники зондеркоманды проходили в предбанник выбирать бабу. Мужчина есть мужчина. Хмельков выбирал женщину либо девочку, заводил ее в пустой отсек барака и через полчаса приводил обратно в загон и сдавал охраннику. Он молчал – и женщина молчала» (Гроссман 1990: часть II, гл. 42, стр. 284). Через образ Хмелькова и Кальтлуфта читатель получает также объяснения о том, как бы они и им подобные отвечали перед небесным судом, оправдывая свои души. Кальтлуфт правдиво бы «рассказал судье, как судьба толкала его на путь палача, убившего пятьсот девяносто тысяч человек. Что мог сделать он перед волей могучих сил: мировой войны, огромного народного национального движения, непреклонной партии, государственного принуждения? [...]. Не он шел, его толкали, не он хотел, его вели, он шел, как мальчик-с-пальчик, судьба вела его за руку» (Гроссман 1990: часть II, гл. 44, стр. 285). И Хмельков, по его мнению, «оказался здесь не ради вина и баб». Когда он попал в плен в июле 1941 года, «его били прикладом по шее и по голове, он болел кровавой дизентерией, его гнали в порванных сапогах по снегу, его поили желтой водой с пятнами мазута, он отрывал пальцами куски вонючего черного мяса от лошадиного

трупа, он жрал гнилую брюкву и картофельные очистки. Он выбирал лишь одно – жизнь, большего он не хотел, он отбивался от десяти смертей, [...]» (Гроссман 1990: часть II, гл. 43, стр. 284). Но нет оправданий деяниям «зондеркоманды», в чем убеждает читателя и Гроссман, ведь «судьба ведет человека, но человек идет потому, что хочет, и он волен не хотеть» (Гроссман 1990: часть II, гл. 44, стр. 285). И Хмельков «смутно знал, что в пору фашизма человеку, желающему остаться человеком, случается выбор более легкий, чем спасенная жизнь, – смерть» (Гроссман 1990: часть II, гл. 43, стр. 284).

Писатель посвящает целую главу процессу подготовки и уничтожения людей, который он равняет к «забою зараженного скота» (Гроссман 1990: часть I, гл. 50, стр. 108). Эта глава дает детальное описание психологии истребительных кампаний, в результате которых «уничтожение украинских и белорусских евреев» стоит рядом со Сталинской кампанией «по уничтожению кулачества как класса, [...] истреблению троцкистско-бухаринских выродков и диверсантов». В «атмосфере отвращения и ненависти», «ярости масс» происходил «массовый забой людей». Писатель замечает, что «[...] первая половина двадцатого века войдет в историю человечества как эпоха поголовного истребления огромных слоев европейского населения, основанного на социальных и расовых теориях». Но Гроссман наблюдает, что «одной из самых удивительных особенностей человеческой натуры, вскрытой в это время, оказалась покорность. Были случаи, когда к месту казни устанавливались огромные очереди, и жертвы сами регулировали движение очередей. Были случаи, когда ожидать казни приходилось с утра до поздней ночи, в течение долгого жаркого дня, и матери, знавшие об этом, предусмотрительно захватывали бутылочки с водой и хлеб для детей» (Гроссман 1990: часть I, гл. 50, стр. 109). Читателю не терпится спросить, где находится источник такой «массовой покорности» перед лицом смерти? Гроссман видит его в «ужасной силе» «сверхнасилии тоталитарных социальных систем», которое

«оказалось способным парализовать на целых континентах человеческий дух». К такому, по мнению Ш. Маркиша, «параличу» (Маркиш 1997: 91) подталкивает «[...] гипнотическая сила мировых идей. Они призывают к любым жертвам, к любым средствам ради достижения величайшей цели – грядущего величия родины, счастья человечества, нации, класса, мирового прогресса» (Гроссман 1990: часть I, гл. 50, стр. 109). Гроссман в результате приходит к умопомрачительному выводу о том, что насилие «превращается в предмет мистического, религиозного преклонения, восторга», и в пример приводит «рассуждения некоторых мыслящих, интеллигентных евреев о том, что убийство евреев необходимо для счастья человечества и что они, сознав это, готовы вести на убойные пункты своих собственных детей, – ради счастья родины они готовы принести жертву, которую когда-то совершил Авраам» (Гроссман 1990: часть I, гл. 50, стр. 109). Со страхом читаем мы эти строки, как и главу части второй, в которой Гроссман дает свое собственное разъяснение понятию антисемитизма. В этой главе мы убеждаемся в том, что сила гроссмановского метода, как подчеркивает и И. Касавин, убийственна там, где художественное видение выходит за пределы сферы санкционированных реалий и направляется на запретное (Касавин 2000: 172). Как пишет Гроссман, «антисемитизм есть зеркало собственных недостатков отдельных людей, общественных устройств и государственных систем. Скажи мне, в чем ты обвиняешь евреев, и я скажу, в чем ты сам виноват». И далее «антисемитизм есть выражение бездарности, неспособности победить в равноправной жизненной борьбе, всюду – в науке, в торговле, в ремесле, в живописи [...]. Государства ищут объяснения своей неудачливости в происках еврейства [...]. В еврейях, а не в государственном и общественном устройстве видят невежественные люди причины своих бедствий» (Гроссман 1990: часть II, гл. 32, стр. 257). По мнению Гроссмана, «в тоталитарных странах, где общество отсутствует, антисеми-

тизм может быть лишь государственным». Это «свидетельство того, что государство пытается опереться на дураков, реакционеров, неудачников, на тьму суеверных и злобу голодных. Такой антисемитизм бывает на первой стадии дискриминационным, – государство ограничивает евреев в выборе местожительства, профессии, праве занимать высшие должности, в праве поступать в учебные заведения и получать звания, степени и т.д.» (Гроссман 1990: часть II, гл. 32, стр. 258). Затем государственный антисемитизм становится истребительным, как это «случилось в двадцатом веке, в эпоху фашизма». И как сформулировал И. Касавин, нет конца перечню этого зловещего богатства, развивающегося от брезгливости к дискриминации и уничтожению (Касавин 2000: 172).

Еврейская трагедия для Гроссмана была частью трагедии русского, украинского крестьянства, частью трагедии всех жертв тотального уничтожения людей. Он не был бы подлинным русским писателем, [...], если бы не искал человеческого в человеке любой национальности (Липкин 1991: 11). И об этом Василий Гроссман написал неповторимые главы в «Жизни и судьбе», где на последних страницах романа автор прославляет не военную победу, а триумф человеческой любви над ненавистью и гуманной семьи – над тоталитарным государством: “On these last pages, Grossman celebrates not a military victory but the triumph of human love over hatred, and the human family over the totalitarian state”(Garrard 1991: 346).

Мы не должны забывать размышления еврея-физика Штрума Виктора Павловича, при заполнении «царь-анкеты, анкеты анкет», которая все хотела раскрыть о личности: «[...] Мне ясно: ужасно убивать евреев за то, что они евреи. Ведь они люди, – каждый из них человек – хороший, злой, талантливый, глупый, тупой, веселый, добрый, отзывчивый, скаред. А Гитлер говорит: все равно, важно одно – еврей. И я всем существом протестую!»(Гроссман 1990: часть II, гл. 54, стр. 307).

ЛИТЕРАТУРА

- Аннинский 1988: Аннинский Л., Мироздание В. Гроссмана. // Дружба Народов, №10, 253–263.
- Войнович 1989: Войнович В., Жизнь и судьба В. Гроссмана и его роман. // Книжное обозрение. № 4, 9.
- Гроссман 1990: Гроссман В., Жизнь и судьба. Роман. Таллинн.
- Касавин 1990: Касавин И., Свидание с многообразием // Звезда. № 9, 166–174.
- Коваленко 1991: Коваленко А. Г., Диалектика конфликта в романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба» // Филологические Науки. № 5, 25–32.
- Кулиш и др. 1988: Кулиш В., Оскоцкий В., Эпос войны народной: Диалог о романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба» // Вопросы литературы. №10, 27–87.
- Лазарев 1988: Лазарев Л., Дух свободы // Знамя. 1988. Книга 9, 218–229.
- Лейдерман и др. 2001: Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н., Роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба» (1961). Литература «Оттепели» (1953-1968) // Современная русская литература. Книга 1. Москва, 141–152.
- Липкин 1988: Липкин С., Жизнь и судьба В. Гроссмана // Литературное обозрение. 1988. № 6, 96–107.
- Маркиш 1997: Маркиш III., Василий Гроссман. Бабель и другие. Москва. 29–117.
- Оскоцкий 1991: Оскоцкий В., «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана. С разных точек зрения // Советский писатель. Москва. 1991. № 11, 46.
- Солженицын 2003: Солженицын А., Диалогия В. Гроссмана. // Новый мир, 2003. № 8, 154–170.
- Ellis 1990: Ellis F., Vasilii Grossman: The genesis of heresy 1937-41. The Modern Language Review, 1990. v.85. part 3, 653-666.
- Gillespie 1993: Gillespie D., Russian Writers Confront the Past: History, Memory, and Literature, 1953-1991. // World Literature Today, 1993. v. 67. № 1, 75-79.
- Garrard 1991: Garrard J., Stepsons in the Motherland: The Architectonics of Vasilii Grossman's Zhizn' i sud'ba. // Slavic Review, 1991. v. 50. № 2, 336-344.

Rosette 1985: Rosette C. L., Vassili Grossman's Zhizn' i sud'ba: The "Life and Fate" of the first Soviet Dissident Novel. // World Literature Today, 1985. v. 59. № 1, 46-48.

ABSTRACT

The present study deals with the conception of psychology and ideology in Vasily Grossman's novel "Life and Fate" and focuses on the reflection of this conception in the works of literary critics as Shimon Markish, Vladimir Voinovich, John Garrard, Frank Ellis, David Gillespie, Semyon Lipkin, Alexandr Solzhenitsyn and others. "Life and Fate" is a novel about World War II, through the eyes of the author, who was a front line journalist. In the novel Grossman portrayed not only the sweeping effects of Nazism and Soviet Communism, but the ways in which these crushing ideologies daily affected individuals – fathers, mothers, children, lovers and friends. In the centre of the psychological conception is a human being among cruel conditions of the war. "Life and Fate" is centred not only on one of the most important events of the war – the battle of Stalingrad – but Grossman in the novel questioned Stalin's role in the war and compared his regime with Hitler's, discussed the 'unexpected obedience' with which millions of people witnessed the 20th century's genocides, showed how the supreme violence of the totalitarian social system was able to paralyse the human spirit.

"Life and Fate" is Grossman's monumental novel of the 20th century. He put his heart and soul in it.

Интерпретация художественной реальности «магических сил» света, звука и цвета в романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба» и И. Кертеса «Обездоленность»

В художественной литературе XX века есть писатели первой величины, чьи произведения к моменту своего появления пользовались большей популярностью за границей, чем на родине. К этим звездам можно отнести русского писателя, философа Василия Гроссмана (1905–1964), автора «Жизни и судьбы» (1960) и представителя венгерской литературы, Имре Кертеса (1929–) с его известным романом «Обездоленность» (1975). Но следует отметить, что роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба» для русских читателей стал впервые доступным только в 1988 году, когда был издан в Москве, а произведение И. Кертеса получило мировую славу и признание, даже в родной Венгрии, только после присвоения писателю в 2002 году Нобелевской премии по литературе.

Сегодня романы «Жизнь и судьба» и «Обездоленность» привлекают внимание и вызывают интерес не только широкого круга читателей, но и критиков, исследователей, кинорежиссеров. Уже много написано о художественных достоинствах этих редчайших книг. Однако необходимо указать на тот факт, что критические статьи сосредотачиваются в большей мере на содержании, на философии авторов и мыслях героев, представляют толкования о мире, войне, жизни в исследуемых романах. Многие страницы романа «Жизнь и судьба» написаны «сухим, сдержанным пером, в нем нет ни пиришества красок, ни роскоши художественных решений» (Дедков 1988: 240). Эту особенность повествования мы замечаем и в романе «Обездоленность». Новизна данной работы состоит в том, чтобы

обратить внимание читателей на роль, значение и смысл световых, звуковых, цветовых эффектов в образном воплощении авторских идей и замыслов посредством художественного, живого слова, которое «есть семя, прозябающее в душах; оно сулит тысячи цветов [...]» (Белый 1910: 433).

Читая роман «Жизнь и судьба», уже на первых страницах мы встречаемся с изображением немецкого лагеря в холодную зимнюю пору. В его описании нет ничего живого, здесь не упомянуты ни деревья, ни трава, ни звери, ни птицы. Обращая внимание читателей на эту картину, живым кажется только выпавший снег, образную роль которого описывает в своей работе А. Кузичева (Кузичева 1989: 5). Снег предвещает о приходе белого света утра нового дня: «К утру выпал снег, и не тая пролежал до полудня. Русские почувствовали радость и печаль. Россия дохнула в их сторону, бросила под бедные, измученные ноги материнский платок, побелила крыши бараков, и они издали выглядели домашними, по-деревенски» (Гроссман 1990: 10). Белый снег дышит, красит и стелит «материнский платок» под ноги русских заключенных и на миг их даже радует. Белый снег в романе Гроссмана становится пространственным образом, в котором таится некий источник восхищения и примирения. В. Гроссман, в виде снежного покрова, изображает и белый платок матери на могиле юного лейтенанта Толи. Белый снег прикрывает и тело мертвого летчика на снежном холме: «Всю ночь лежал мертвый летчик на снежном холме – был большой мороз, и звезды светили очень ярко. А на рассвете холм стал совершенно розовый, и летчик лежал на розовом холме. Потом подула поземка, и тело стало заносить снегом» (Гроссман 1990: 325). Тихим белым снегопадом заканчивается и рассказ о военной судьбе Сталинграда: «Снег заполнил воздушное пространство, остановил ветер, приглушил пальбу, соединил, смешал землю и небо в неясное, колышущееся мягкое и серое единство. [...] Это не снег, само время – мягкое, белое, ложилось (Гроссман

1990: 397). В исследуемых произведениях, белый цвет имеет своеобразный «утешительный» смысл (Постоутенко 1996: 158).

В романе «Обездоленность», воспринятый в «слепящем свете», «режущий глаза» белый цвет наполняет чувством «опрятности» и первые обманчивые впечатления, полученные Дёрдем Кёвешем от увиденного в лагере смерти Аушвица и Бухенвальда. Молодого героя особенно радует «футбольное поле, [...], необходимые для игры белые ворота, наведенные белым линии – все было здесь манящее, [...], очень чисто и красиво (Кертес 2003: № 14-15). Его поразили «теряющаяся в бесконечности безукоризненно белая асфальтная дорога» (Кертес 2003: № 14-15) и статуя заключенного «на белом цоколе [...], сработана из того же белого, мягкого [...] камня» (Кертес 2004: № 18). Но читая эти строки, мы в тоже время сочувствуем герою Кертеса, ведь зрительное восприятие юными глазами Дёрдя Кёвеша реальной среды, в которую он попал, затмевается обманным магическим светом, как и феноменальный цвет неба над Аушвицем, где свет «бенгальских огней» и «фейерверков» – это не праздничные салюты, потому что в них воплощён уничтожающий и ужасающий обратный эффект лучей света – это язык «пламени и искр» крематориев (Кертес 2004: № 18).

Однако магические силы, воплощенные в белом цвете, не всегда оказывают утешительное влияние на душевное состояние героев Гроссмана и Кертеса. В романе «Жизнь и судьба» летний день для Анны Семеновны Штрум превращается в декабрьский холод, и она видит дорогу в гетто «белой от узлов и подушек». Анна Семеновна по дороге в лагерь смерти среди белого света дня видит «[...] две толпы, евреи в пальто, шапках, а вторая толпа на тротуаре одета по-летнему. Мне показалось, что для евреев, идущих по улице, уже и солнце отказалось светить, они идут среди декабрьской ночной стужи» (Гроссман 1990: 43). Белый свет этого дня превращается в «черный – символ небытия, хаоса» (Белый 1994: 201). Для Анны Семеновны «пришел черный день, чернее не бывает» (Гроссман

1990: 43). Яркий свет лета, затмевается темным, печальным цветом и в романе «Обездоленность», где внешний облик заключенных, которые «[...] со своими головами, спрятавшимися в шею, с торчащими из лица носами, с поднятыми плечами, на которых болтается нечистая одежда [...], даже в самые жаркие летние дни напоминают вечно мерзнущих зимних ворон» (Кертес 2004: № 18).

Как совершенно особая действующая сила, под влиянием которого герои испытывают счастье и боль, живет в романе «Жизнь и судьба» свет ночи (Кузичева 1989: 5). Свойство вечернего света тонко чувствует и чётко определяет автор романа «Жизнь и судьба»: «Вечерний свет обладает свойством раскрывать существо происходящего, превращать зрительное впечатление в картину – в историю, в чувство, в судьбу» (Гроссман 1990: 390). Ночной свет оживляет чувственный мир и у героев романа «Обездоленность». Свет ночи дарит не только ужас войны, но и непредсказуемое восхищение, и «радостное изумление» юным героям «Обездоленности» Дёрдю Кёвешу и Аннамари, даже во время воздушного налета: «Это случилось [...] в пятницу ночью [...], мы услышали бомбу ближе прежнего, тут она начала дрожать всем телом. Я прекрасно это почувствовал, потому что она уцепилась за меня в ужасе: ее руки обвилились вокруг моей шеи, лицо уткнулось мне в плечо. После этого я уже помню только, как искал ее губы. Я ощутил мягкое, влажное, чуть липкое прикосновение. Ну и какое-то радостное изумление, ведь все-таки то был мой первый поцелуй с девушкой; и вдобавок как раз тогда, когда я на него и не рассчитывал» (Кертес 2003: № 14-15). В романе «Обездоленность» ужасающий темный свет ночи во время бомбардировки превратился в интимный свет, создав душевную атмосферу для неожиданного наслаждения сладкой нежностью первого женского поцелуя. Своеобразный «интимный свет» иногда таится и в ночном полумраке бараков мучительной лагерной жизни, где Дёрдь Кёвеш слышит шепот собратьев по лагерю

смерти, не только о прошлом, о будущем, о воле, но и, например, воспоминания его товарища, Банди Цитрома об огнях улицы Незабудок, о «пештских девочках» и о «известных интимных вещах, обсуждаемых между мужчинами». В романе «Жизнь и судьба» свет огня от взрыва боевых ракет освещает на короткое мгновение лицо и шею грязной, завшивевшей радистки Кати, превращая ее таким образом в желанную женщину для Сергея Шапошникова: «Грязная, завшивевшая радистка сидела тихо, ее шея светилась в темноте. Он старался разглядеть ее во тьме, и исполняя его желание, огонь взрыва осветил ее лицо. Вспыхнул свет ракеты, и они сблизили головы. Он обнял ее [...]. И тотчас снова стало темно, особенно как-то темно [...]» (Гроссман 1990: 220). Роль лучей света в этот момент можно назвать загадкой стилистики, «когда в суховатой [...] ткани письма вдруг возникает краска, которая поначалу действительно кажется краской, а потом ощущаешь, что это блик из совершенно другой реальности» (Аннинский 1988: 262). Возможно, из той реальности, в которой красочные цвета женственности не были испачканы жестокими условиями войны. В эту Сталинградскую ночь переливание красок темных и ярких лучей света от взрывов смертоносных ракет образовало небольшой солнечный блик, который, возвышая, осветил и украсил женскую плоть, превратив внешний облик Кати в символ чистоты и таинственной нежности. Цвет краски, исходивший от света лучей, озаривших Катю, образует в воображении героя стимулирующий фермент, который оживляет самые прекрасные чувства и вызывает ощущение взаимной душевной чистоты. Этот «цвет выражает внутреннее состояние художника» и его героев. (Гроссман 1990: 400).

Свет, звуки, время суток оказываются в исследуемом романе Гроссмана выразительнейшими признаками душевного состояния героев, а также автора (Кузичева 1989: 5). Это суждение свойственно и роману И. Кертеса. В «Жизни и судьбе», в зависимости от авторских намерений, касающихся

воплощения в образе света душевных порывов персонажей, мы можем встретиться со следующими определениями света. В романе Гроссмана несущимся в атаку танкам свойствен «кинжальный свет»: «Огромная масса машин мчалась из степной тьмы, оглушая ревом, [...], слепя кинжальным светом, парализуя румынскую оборону» (Гроссман 1990: 346). Или же, как чувствует Крымов «серый, каменный свет», который падает в окна «серого лубянского ущелья». Он «шел не от солнца, не с неба, свет шел от серого кирпича внутренней тюрьмы» (Гроссман 1990: 420). Здесь же по ночам бил «бешеный электрический свет» (Гроссман 1990: 330). А по восприятию заключенных, лагерные бараки освещал «безжалостный», «каторжный» свет. Гроссман называет свет «милым», «спокойным», «тихим», «слепящим», «желанным».

Не доминирует яркий свет и в художественном пространстве романа Кертеса. Герои «Обездоленности», как и в «Жизни и судьбе», живут в «тусклом», «вечернем» свете. Живет в произведениях писателей и совершенно своеобразный источник света, лучи которого освещают дорогу к мудрому знанию, черпаемому читателем от учителей на закате жизни. Они через свою поучительную жизненную философию передают нам энергию и «тепло, необходимое для дальнейшего пути». Этот свет называется «светом мудрости» (Кузичева 1989: 5). Он обычно исходит от людей, которые прожили долгую жизнь. В романе «Жизнь и судьба» «многое увидено, высказано, облумано старыми людьми [...]» (Кузичева 1989: 5). Долговечными останутся в воображении читателей романа Гроссмана мудрые слова и поступки матери Штрума, а также старой Христи Чуняк, спасшей жизнь пленного Семенова. А в романе Кертеса слова дяди Лайоша учат нас терпеливой смиренности с судьбой и покорности перед Всемогущим. Но следует отметить, что в романах «Жизнь и судьба» и «Обездоленность» свет мудрости излучается не только героями старшего поколения, которые подошли к естественному краю своей

долгой жизни, но и теми, чьи молодые жизни и судьбы определялись жестокими обстоятельствами концентрационных лагерей и неведомыми маленькими шагами, ведущими к краям порогов газовых камер. Молодые герои, проделавшие эти шаги, становились мудрыми не на основании опыта, приобретенного вследствие большого количества прожитых лет, а в результате осознания безвыходного тупика в своей доле и смысла постепенно угасающего света жизни перед лицом смерти. Дёрдя Кёвеш в романе «Обездоленность», разговаривая о счастье лагерной жизни, даже сопротивляется мудрым взглядам старших людей, которые не прошли, как он, «шаг за шагом» концентрационные лагеря Аушвица и Бухенвальда. Мудрые толкования Дёрдя Кёвеша о времени, проведенном в лагере смерти, помогут читателю понять истинное значение тепла души и счастья, особенно ценимых и Кертесом. Для Дёрдя Кёвеша «в известном смысле жизнь там была чище и проще. Ведь еще там, даже рядом с дымовыми трубами, было в перерывах между муками что-то, походившее на счастье. Все спрашивают только про тяготы, про “ужасы”: а между тем, что до меня, может быть, это переживание остается самым памятным. Да, о нем, о счастье концентрационных лагерей надо было бы им рассказать в следующий раз, когда спросят. Если вообще спросят [...]» (Кертес 2004: № 18). Примерным уроком взрослой мудрости может стать для читателя и размышление Дёрдя Кёвеша в романе «Обездоленность» о чистоте прожитой жизни в зачерненной среде войны, о том, что «мы никогда не можем начать новую жизнь, всегда только продолжаем старую. Шаг за шагом делал я, и никто другой, и, я объявил, в заданной мне доле я всегда хранил порядочность. Единственное пятно, я бы сказал, ошибка в общей картине, единственная случайность, которую, возможно, они могли бы поставить мне в укор, – это что мы теперь здесь беседуем, но уж тут я ничего не могу поделать» (Кертес 2004: №18). Читатель запомнит и настоячивые слова молодого Банди Цитрома, что главное в жизни

– «[...] это не распускаться: как-нибудь всегда будет, потому что еще никогда не бывало по-иному, чтобы вообще никак не было – [...], а его этой премудрости научили еще рабочие багальоны» (Кертес 2004: №18). А в романе «Жизнь и судьба» мы не забудем уроки Гроссмана о сути дружбы (Гроссман 1990: 189), описание крестного пути военного врача Софьи Левинтон (Гроссман 1990: 290-295), размышления еврея-физика Штрума при заполнении «царь-анкеты, анкеты анкет» (Гроссман 1990: 307). Эти поучительные уроки писателей и их героев освещают горестные моменты в истории XX века вечным, неугасимым светом памяти.

Особенную роль в «Жизни и судьбе», как и в «Обездоленности», отведено силе звуков. С помощью звуков герои Гроссмана настойчиво ищут признаки жизни (Кузичева 1989: 5). Следует обратить внимание на жизненно необходимую роль звуков и в романе Кертеса. Звук, исходящий от звона котлов, превратился в источник наслаждения и оказался даже «уютным» для Дёрдя Кёвеша и его лагерных соотечественников. Из этого магического голоса «колокольного звона», исходившего из «позвякивания» котлов, излучалась энергия, которая всех приводила «в движение», всех подстрекала «действовать быстро» (Кертес 2004: № 18). А звучание нескольких фраз, услышанных Дёрдем в лагере на родном языке, помогают испытать им «на собственном опыте [...], что значит [...] нежданная радость – домашний вкус венгерского слова за границей» (Кертес 2003: № 14-15). Но живет в романе «Обездоленность» и особенный, ужасающий звук. Например, это звук пощечины, вес которого «загорелся» на левой щеке героя Кертеса, как это случается и в романе «Жизнь и судьба», где удар «комиссара» Крымова «[...] по лицу означал духовную катастрофу и не мог ничего вызвать, кроме оцепенения, остолбенения» (Гроссман 1990: 327). В романе «Жизнь и судьба» даже и тишина «рохочет по-своему» в перерывах между боями, вызывая головокружение: «Странно, немислимо было есть кашу

в тишине, в тишине писать письмо, проснуться ночью в тишине [...]. Тишина породила множество звуков, казавшихся новыми и странными: позвякивание ножа, шорох книжной страницы, [...], скрип пера, [...], тиканье ходиков на стене блиндажа (Гроссман 1990: 351).

Живет в романе Гроссмана еще одна сила, это «мощь страдающей души, тоски и печали» (Кузичева 1989: 5). Вспомним ночью «приступ тоски» у зека Абарчука в романе Гроссмана: «[...] Не той привычной и угрюмой лагерной тоски, а обжигающей, как малярия, заставляющей вскрикивать, срываться с нар, ударять себя по вискам, по черепу кулаками» (Гроссман 1990: 89). А как указывает А. Кузичева, в момент отлучения физика Штрума от работы, науки и, может быть, даже жизни, тоска героя превращается в страх. Страх становится ужасом, существо которого особенно проявляется перед государственным гневом. Он обессиливает человека, изматывает и постепенно съедает душу, превращает человека в раба (Кузичева 1989: 5). И Штруму только уже «узенькая полоска света» из окна невысокого дома да вечерний снег в темном переулке приносят чувство счастья и радости: «Снег, ночное небо, свежий морозный воздух, шум шагов, деревья с темными ветвями, узенькая полоска света, пробившаяся сквозь маскировочную штору в окне одноэтажного деревянного домика, – все было так прекрасно. А в глубине его отчаяния существовало светлое пятнышко, – ощущение чистоты души» (Гроссман 1990: 405).

В размышлениях о жизни в условиях войны Гроссман и Кертес говорят о «печали души» человека. В романе «Жизнь и судьба» даже «боевое “ура”, пройдя над холодной ночной водой под звездами осеннего неба, словно теряло горячность страсти, менялось, и в нем вдруг открывалось совсем другое существо, – не задор, не лихость, а печаль души, словно прощающейся со всем дорогим, словно зовущей близких своих проснуться, поднять голову от подушки, послушать в последний раз голос

отца, мужа, сына, брата [...]» (Гроссман 1990: 27). Чувство ужасающего покоя накапливается и в печальной душе Дёрдя Кёвеша, когда он заявляет читателю, «что после стольких усилий, столь многих напрасных попыток и стараний, со временем, [...]» он «тоже обрел мир, покой, облегчение. Известные вещи, к примеру, которым я до того приписывал какос-то огромное, уму непостижимое значение, потеряли – могу сказать – в моих глазах всю свою важность. Так, на поверке, к примеру, когда я уставал стоять, то, не глядя, грязь там или лужа, просто садился и так и сидел, пока соседи не поднимут меня силой. Холод, сырость, ветер или дождь больше не могли меня беспокоить: они до меня не доходили, я их и не чувствовал. И даже голод прошел; я по-прежнему тащил в рот все, что только находил, все съедобное, но скорее рассеянно, машинально, по привычке, так сказать. На работе? – уже и видимости не соблюдал. Если им не нравилось, они били, это самое большое, но и побоями не могли причинить настоящего вреда, все равно я только выигрывал время: с первым же ударом я немедленно валился на землю и остальных уже после не чувствовал, потому что тем временем засыпал» (Кертес 2004: № 18).

Особое влияние на жизнь героев романа Гроссмана и Кертеса оказывает сила времени. Восприятие и ощущение протяженности времени оказывается более поразительным во время войны, это ощущение времени теряется. Гроссмана в романе «Жизнь и судьба» глубоко задевает многообразие личностного времени (Касавин 1990: 167). В романе «Жизнь и судьба» время, проведенное заключенным в тюрьме, остается в его памяти как «одновременное ощущение краткости и бесконечности» (Гроссман 1990: 23). Гроссман констатирует: «Девочка, протанцевавшая на новогоднем балу до утра, не сможет ответить, каково было ее ощущение времени на балу [...]. У девочки ночь была полна мимолетных событий – взглядов, отрывков музыки, улыбок, прикосновений, – каждое это событие казалось столь стремительным, что не оставляло в

сознании протяженности во времени. Но сумма этих коротких событий породила ощущение большого времени, вместившего всю радость человеческой жизни» (Гроссман 1990: 23). А под смертельными огнями боя «даже секунды растягиваются, а часы сплюсциваются. Ощущение длительности связывается с молниеносными событиями – свистом снарядов и авиабомб, вспышками выстрелов и вспышками взрывов» (Гроссман 1990: 24). По мнению И. Касавина, человеку под силу воскресить время и расцветить его невиданными красками, когда он лишен возможности иначе актуализировать многообразие своей личности (Касавин 1990: 167). Дёрдь Кёвеш тоже пытается оживить во временном пространстве и окрасить в своем сознании бывший облик Банди Цитрома и «сравнить с первым его появлением, еще тогда, справа от меня в ряду, или в первый раз на работе, с поразительными движениями мышц и связок, вроде бы как анатомическая таблица с буграми и вмятинами, упруго опадающими или твердо напрягающимися, и тут уж, конечно, появлялись неизбежно кое-какие недоверия» (Кертес 2004: № 18). Герой «Обездоленности» замечает жестокое влияние постепенно деградирующей силы времени, которое невозможно остановить. Этот временный процесс в условиях лагерной жизни, уносит с его поля зрения и членов семьи Кольман. И только тогда Дёрдь Кёвеш понял, что «время может иной раз обмануть наш глаз, по всей видимости». Временную протяженность каждого дня, проведенного в лагере, юный герой Кертеса может сравнить только с «глухой сказкой своего детства», в которой семь дней для короля означали семь лет. Дёрдь Кёвеш не мог поверить, что за три месяца лагерной жизни из него получится «чахлый старик». Вот как он рассуждает: «Дома для этого нужно время, лет пятьдесят-шестьдесят по меньшей мере: здесь и трех месяцев было довольно, чтобы мое тело мне изменило. Могу заявить: нет ничего более мучительного, ничего более угнетающего, чем день за днем следить, день за днем учитывать, сколько в нас разрушилось еще» (Кертес

2004: № 18). Он вспоминает, что был на воле молодым парнем с загоревшей, гладкой и натянутой мускулами кожей, «теперь эта же самая кожа висела складками, была желтая и жухлая, всевозможные прыщи, нарывы, язвы, коричневые кружки, трещины, какая-то чешуя покрывали ее, и все это противно зудело, особенно между пальцами» (Кертес 2004: № 18). Но время не только уничтожает человеческие жизни и судьбы, а порой и лечит яркими цветами или серыми оттенками воспоминаний о прошлом. Ведь, цитируя Гроссмана, даже под огнем фронтовых времен, «сами собой вылечивались язвы и радикулиты» (Гроссман 1990: 134). И в воспоминаниях Дёрдя Кёвеша навсегда останется памятный свет огней и «счастье концентрационных лагерей», если он их только «не забудет».

Звуки голоса романов «Жизнь и судьба» и «Обездоленность» бессмертны, в них живет негаснущая яркая искра жизни и энергии, черпаемая читателем XXI века.

ЛИТЕРАТУРА

- Аннинский 1988: Аннинский Л., Мироздание В. Гроссмана. // Дружба Народов, №10, 253-263.
- Белый 1994: Белый А., Священные цвета. // Символизм как миропонимание, Издательство «Республика», Москва, 1994, 201-209.
- Белый 1910: Белый А. Магия словъ. // Символизм. Москва, 1910, 429-448.
- Гроссман 1990: Гроссман В., Жизнь и судьба. Роман. Таллинн.
- Дедков 1988: Дедков И., Жизнь против судьбы. // Новый мир, №11, 229-241.
- Касавин 1990: Касавин И., Свидание с многообразием. // Звезда, №9, 166-174.
- Кертес 2003: Кертес И., Обездоленность. Роман. Перевели с венгерского Шимон Маркиш и Жужа Хетени. // Иерусалимский журнал, №14-15. In: www.antho.net/jr/14-15.2003/11.php
- Кертес 2004: Кертес И., Обездоленность. Роман. Перевели с венгерского Шимон Маркиш и Жужа Хетени. // Иерусалимский журнал, №18. In: www.antho.net/jr/18.2004/01.php
- Кузичева 1989: Кузичева А., Вечерний свет «Жизни и судьбы». / Книжное обозрение, №2, 5.
- Постоутенко 1996: Постоутенко К., Священные цвета Андрея Белого. // Die Welt Der Slaven, №XLI, 1, 153-166.

ABSTRACT

A tanulmány a fények, színek és hangok „mágikus erejének” és azok művészeti valóságának interpretálásával foglalkozik Vaszilij Grosszman „Élet és sors”, valamint Kertész Imre „Sorstalanság” c. regényében. Mindkét regény nagy ismertségre tett szert az olvasók körében, a kutatók is sokat foglalkoztak velük, főképpen az életről, a háborúról és a békéről szóló mély filozofikus eszméik miatt. Jelen munka a fények, hangok és a színek jelentését és az írók által megtestesített képekre gyakorolt hatását vizsgálja Grosszman és Kertész műveiben, elemzi és összehasonlítja a fehér és a sötét fények hatását a regényhősök érzelmi világára, meghatározza a bölcsesség fényét és kitér az ételkondérok zajára Kertész Imre „Sorstalanság” c. regényében, amely harangjátékként cseng a koncentrációs táborban szenvedő foglyok fülében és életre kelti őket.

Солдатская судьба и военное искусство в романах В. Гроссмана «Жизнь и судьба» и Дж. Джонса «Отныне и вовек»

В годы Второй мировой войны и в последующие десятилетия тема войны и солдатской судьбы была одной из самых значительных в литературе Европы и Америки. Актуальность темы не гаснет и сегодня, в своеобразное мирное время, к сожалению, не без военных действий и трагических судеб солдат, выполняющих миротворческие миссии или же, наоборот, задания, подрывающие наш неуравновешенный мир и покой в разных уголках планеты. Тема войны и мира «сегодня точнее: войны или мира» – вечна (Смирнов 1986: 33). Она приковывает к себе внимание не только писателей России и США XX века, но она вновь и вновь побуждает литераторов мировой современности возвращаться к военным событиям прошлого и писать о «горячих точках» настоящего.

Как правило, тот, кто создавал художественные произведения о Второй мировой войне и кто пишет о боевых операциях сегодня, были или есть свидетелями и непосредственными участниками боевых действий. Война в их сознании существует не только как историческое событие большой важности, но и как часть личного жизненного опыта. Наиболее близкими примерами таких литературных деятелей есть русский писатель Василий Гроссман (1905-1964) и один из ведущих в современной Америке военных романистов Джеймс Джонс (1921-1977). Первоисточником написания монументального романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба» (1960) и Дж. Джонса «Отныне и вовек» (1969) послужили события и сцены, увиденные и пережитые писателями накануне и в годы Второй мировой войны. В исследуемых произведениях «автор

не просто безучастный рассказчик, а человек, которому небезразлична судьба его героев [...], [...] история “их жизни” глубоко пережита им самим» (Мурагова 1980: 102). Война была поворотным пунктом в жизни и судьбе Василия Гроссмана. Писатель провел на фронтах почти все четыре года войны. Правда – не солдатом и не боевым офицером, а корреспондентом главной военной газеты “Красная звезда”. Он видел позор поражения, отчаяние и ужас бегства, развалины городов и деревень, восторг победы и торжество победителей. Военная служба Дж. Джонса началась в 1939 году в авиационных соединениях, а затем в пехоте. В годы Второй мировой войны он участвовал в боевых операциях. В 1944 году его демобилизовали. Для обеих писателей, можно сказать, тема войны и солдатской жизни была доминирующей от начала и до конца их творческого пути, они детально описывают боевую жизнь воинских подразделений, солдат, вслушиваются в их разговоры, проникаются их заботами. Джеймс Джонс и Василий Гроссман писали о войне с «безжалостным обнажением причин и следствий всего, что есть убийство, смерть, пролитие крови» (Косарева 1985: 262).

В числе застигнутых врасплох американцев, на чьи головы 7 декабря 1941 года посыпался град бомб с японских самолетов, атаковавших военно-морскую базу Перл-Харбор, суждено было оказаться и американскому писателю, двадцатилетнему пехотинцу Джеймсу Джонсу. Яркие впечатления и боевой опыт прозаика оставили глубокий след в его почти девяти-сотстраничном романе «Отныне и вовек», в котором Джонс чувствует себя прежде всего солдатом армии США, «крошечной частицей многоголового организма, товарищем в борьбе, радостях и несчастьях каждого [...], облаченного на сей раз в обмундирование американской армии» (Мулярчик 1978: 207). Действие романа «Отныне и вовек» происходит в начале Второй мировой войны, за считанные дни до нападения на Перл-Харбор, но следует отметить, что целью этого значительного

произведения в литературе XX века «было, безусловно, не только показать армию в начале войны, но и попытаться представить себе будущее вооруженных сил США» (Самарин 1969: 203). Что превратятся ли эти силы в армию «интеллектуалов-офицеров и бесстрашных солдат», или в армию «издерганных мальчишек, умирающих неизвестно за что», в армию «неудачников», или в армию «героев»? (Шоу 2001: 2). Василий Гроссман и Джеймс Джонс пытаются представить читателю новые аспекты военной темы, тесно связанные с психологией, на которой строилось командование войсками армий двух отдаленных по расстоянию континентов, но очень близких по культуре армейских взаимоотношений.

Прежде чем приступить к начертанию параллельных линий в военном искусстве и судьбах солдат двух разных армий, изображенных в романе «Жизнь и судьба» и «Отныне и вовек», следует сказать несколько слов о предыстории написания этих значительных произведений, о нравственном, социальном, психологическом состоянии войск США и Советского Союза накануне Второй мировой войны, о роли солдата в этой войне, о причинах больших потерь американской и советской армий уже в первые дни мировой войны, попробовать предсказать судьбу и будущее солдат на войне, победа в которой стоила цены, не установленной даже в XXI веке. Читатель до сих пор не знает, «из чего состоят 20 миллионов наших потерь, как они распределяются по фронтам, кто из наших полководцев заботился о солдате [...]» (Ланин 1992: 50). Общим для солдат обеих армий есть вступление в войну под воздействием фактора внезапности и неподготовленности, что и объясняет мгновенную и бессмысленную гибель тысяч невинных солдат, «мальчишек», совсем молодых ребят. При нанесении авиацией Японии основных ударов по Перл-Харбору на «территории нового военного городка при Хикемском аэродроме [...] очень большая бомба [...] попала прямо в главную столовую, где в это время, ни о чем не

подозревая, завтракали четыреста летчиков» (Джонс 1986: книга 5, стр. 741). Поражение в начале войны терпит и флот армии США: «Наш флот, бесспорно, потерпел крупное поражение – говорило радио, вероятно, самое крупное за всю его историю» (Джонс 1986: книга 5, стр. 742).

В романе «Отныне и вовек» и «Жизнь и судьба» будущее солдат безрадостно, а судьба – суровая. Над солдатами советской армии накануне Второй мировой войны царствует своеобразная верховная власть партийной линии, сила которой сконцентрировалась в политике и сверхчеловеческом поведении Сталина, а ее истребительная мощь, подобно фашистской, была направлена против талантливейших офицеров-разведчиков, которые ценой своей жизни достоверно информировали и предупреждали Вождя о начале войны, оказавшейся внезапной и вероломной, как и для Америки нападение японцев. Вероятно, для советской армии война началась намного раньше 1941 года, и первым ударом следует считать смертельную силу советского верховного правительства, направленную против разведчиков, а в представлении Сталина – дезинформаторов. По ложному обвинению в дезинформаторстве были уничтожены крупнейшие советские военачальники. Как знак подтверждения жестокости исторических фактов звучат в романе Гроссмана слова Крымова: «Не то страшно, что уничтожают врагов, черт с ними, страшно когда по своим бьют» (Гроссман 1990: ч. 1, гл.55, стр.120). За всю Вторую мировую войну было потеряно гораздо меньше командиров, чем до войны. Мысль о чрезмерной централизации военного командования советской армией звучит и у читателя романа Гроссмана. В романе «Жизнь и судьба» человек «живет и воюет под неусыпным присмотром государства» (Дедков 1988: 231). Несмотря на то, что многие истинные знатоки военной науки, например Новиков, «составляли планы своих будущих военных действий, и это командирское творчество дало в конце концов свои весомые результаты, многое из того, что делалось Ставкой, не было им,

разумеется, известно, и это обстоятельство обрекало на несбыточность, неосуществимость различных, зачастую и талантливых планов» (Ланин 1992: 20). Гроссман не отрицает законы военной науки, но в основу этих законов ставит собственную гуманистическую мысль о том, что «человек, лишенный “надсмотра”, переставший бояться окрика, [...], человек раскрепощенный, высвобождает все свои силы, и они, эти силы, помноженные на осознание правоты своего дела, способны принести Родине неоценимую пользу» (Ланин 1992: 21). Закон, основанный на описанной мысли, применяет в своем искусстве ведения боя и Новиков. Он глубоко понял природу современной войны, знает слабые и сильные стороны своих солдат. Новиков принимает смелое и ответственное решение, внося самочинно коррективы в уже утвержденный командованием план операции, определяющий судьбу Великой Отечественной войны. Командир вводит в действие свой корпус на восемь минут позже предусмотренного планом. Сделал он это для того, чтобы наши артиллерия и авиация уничтожили и подавили как можно больше огневых точек противника и тем самым создали более благоприятные условия для действия наших войск. Инициатива, проявленная Новиковым, и есть свидетельство подлинного военного искусства, душой командира и воина. Иначе и не могло случиться, поскольку Новиков знал, что существует «право больше, чем посылать, не задумываясь, на смерть, – право задуматься, посылая на смерть. Новиков исполнил эту ответственность» (Гроссман 1990: ч.3, гл.11, стр.343). При первой встрече с мальчишками-новобранцами, которые издали походили на сельских школьников с детскими тревожными глазами, худым лицом и тонкой шеей, Новиков смотрел на них как на «живую силу» (Гроссман 1990: ч. 2, гл. 35, стр.266), которую надо беречь. Бережет своих солдат в романе «Отныне и вовек» и Цербер. Он не донускает, чтобы в его роте солдагы, которым захотелось крови, выясняли свои разногласия с помощью

штыков. Цербер знает, что представители его «живой силы» еще не созрели для того, чтобы воевать, они в своей жизни даже мертвеца не видели. Он говорит своим солдатам, что если «труп показать, вы же в штаны паложите [...], не доросли еще воевать. Воюют мужчины, а не младенцы. Ведете себя как дети, [...] и разговор с вами как с детьми. Навоеваться еще успеете. Так навоюетесь, что сами рады не будете» (Джонс 1986: книга 1, стр. 214).

В романе Гроссмана командир Новиков всю свою солдатскую жизнь «знал страх перед начальством за потерю техники и боеприпасов, за просроченное время [...]» (Гроссман 1990: ч. 2, гл. 35, стр.266). Однако не «встречал он, чтобы начальники всерьез сердились на то, что боевые действия сопровождались большими потерями живой силы. А иногда начальник посылал людей под огонь, чтобы избежать гнева старшего начальства [...]. Новиков видел, как гнали живую силу под огонь даже не для перестраховки и формального выполнения приказа, а от лихости, от упрямства» (Гроссман 1990: ч. 2, гл. 35, стр.266). Таким образом, жизнь солдата обращалась в пепел перед собственными амбициями вышестоящего по служебной лестнице. В романе «Жизнь и судьба» Новиков остался верным тому, что лежит в основе всего существующего, умению дорожить людьми. В последний раз мы видим Новикова в романе, когда он отправляется в Москву, но не за повышением, в знак благодарности за успешно проведенную боевую операцию, при том спасая солдат и боевую технику, а для дачи показаний о несвоевременном выполнении приказа о наступлении.

Подобную полуфашистскую дисциплину и «сатанинскую теорию» (Джонс 1986: книга 3, стр. 347), основанную на страхе, провозглашает и бригадный генерал Сэм Слейтер в романе «Отныне и вовек», считая социальный страх основным средством для укрепления правопорядка в США, в поддержании которого контролирующую и объединяющую роль

способны выполнять только военные, а «держать армию в узде» (Джонс 1986: книга 3, стр. 347), по его мнению, было бы невозможно, «если бы у нас не было сержантов, которые так боятся нашей касты, что готовы тиранить свою собственную» (Джонс 1986: книга 3, стр. 347). Дж. Джонс обращает внимание читателя на то, что вооруженные силы США превращаются в инструмент который служит только интересам отдельных кругов и личностей и автор способствует «критике тех сил, которые насаждают в армии США фашистскую военную доктрину» (Самарин 1969: 203). Соответственно теории Слейтера «все упирается в боязнь. Боязнь – ключ ко всему. Когда научишься определять степень боязни, [...] ты можешь безошибочно предсказать, насколько человеку можно доверять и до какого предела можно его использовать. Следующий шаг, [...] это стимулирование боязни искусственно. Чем сильнее боязнь, тем сильнее контроль» (Джонс 1986: книга 3, стр. 351). Размышления Слейтера основаны на утверждении страха солдата перед начальством. Он видит, что «большинство младших офицеров в точности как солдаты: боятся начальства до смерти. Что бы они ни делали, о чем бы ни думали, над ними постоянно висит страх, что начальство будет недоволено» (Джонс 1986: книга 3, стр. 342).

Страницы отдельных глав в романе В.Гроссмана «Жизнь и судьба» и Дж. Джонса «Отныне и вовек» позволяют нам узнать о мыслях и чувствах солдат, они посвящаются их жизни, судьбе и трогательной вере в справедливую, мирную жизнь. Писатели в своих романах стремились войти в социально-нравственное положение каждого из своих героев и глубже постичь психологию солдат, ежедневно удивлявшихся тому, «что прожили на земле от утра до вечера» (Гроссман 1990: ч.1, гл.54, стр.118). В романе Джонса раскрывается многосторонняя солдатская судьба, то прекрасная и ласковая в ночь отлучки, то темная и суровая по будням, как это воспето в армейском блюзе «Солдатская судьба», сочиненного воинами армии США.

Местом для исследования вышеперечисленных взглядов и проблем Дж. Джонс избрал Скофилдский гарнизон американской армии на Гавайях накануне нападения японцев на Перл-Харбор, а в центре романа Гроссмана стоят события Сталинградской битвы. Героические качества и сила духа защитников Сталинграда, ярко показаны на примере солдат, защищавших дом «шесть дробь один» во главе с капитаном Грековым. Для Джонса и его героев война – это «безжалостная бойня, где бессмысленно истребляют солдат, одиноких и опустошенных в безумном водовороте истории, куда попал весь мир» (Муратова 1980: 101). Течения водоворота истории и судьбы привели в американскую армию и Роберта Э. Ли Пруита, который находится в центре внимания повествователя на протяжении всего романа «Отныне и вовек». Для сына бедняка-шахтера, пишет автор, как и для парней, подобных Пруиту, армия была единственной открытой дорогой, и она «шоманила» героя, для него «ремесло солдата было единственной доступной ему профессией» (Джонс 1986: книга 1, стр.33). Социальное происхождение Пруита очень подобно происхождению мальчиков-новобранцев под командованием Новикова. Пруит по-своему любил армию, в которую завербовался на тридцатилетний срок служения, ему всегда нравился «нестройный хор звуков казармы и гарнизонного двора», ему был по душе «шум моторов и слова команды, ритмичное шарканье десятков солдатских ботинок, хрипящая брань раздраженных сержантов» (Мулярчик 1978: 208). Следующим образом вспоминает Пруита после его трагической смерти лейтенант Росс: «Он любил армию. Любить армию могут только ненормальные. Из таких психов, как он, выходят отличные парашютисты-десантники и “коммандос”. Он любил армию так, как немногие мужчины любят своих жен. Любить армию до такой степени могут только ненормальные» (Джонс 1986: книга 5, стр. 780).

Очень близок к взглядам Джонса и подход Гроссмана к военным событиям и хронике военных действий. В романах писателей сочетаются страстные повествования, связанные с философией управления солдатами, осуждением бойни, и описания противоестественности военного быта и даже пейзажа. Командование американской армией, как и советской, основывалась на четкой и элементарной логике: «Людей кто-то должен вести за собой, иначе они просто стадо. И тут все решают хорошие командиры» (Джонс 1986: книга 1, стр 75). Благодаря военному опыту Джонса, читатель получает детальное толкование его логики о хорошем командире через образ Динамита, которому свойственны черты более чем командира, «настоящего генерала». У «настоящих генералов должен быть такой склад ума, который позволяет им представлять себе солдат как массу, как кодовые цифры, обозначающие пехотные, артиллерийские и минометные части, как числа на бумаге, которые можно легко складывать или вычитать друг из друга. Настоящие генералы должны уметь представлять себе людей в виде абстрактных символов, которые они наносят на свои схемы и карты» (Джонс 1986: книга 2, стр. 121). Такие «абстрактные символы» выполняли боевые задания по бюрократическому приказу «Ни шагу назад!» в романе Гроссмана. Следует обратить внимание на интерпретацию этого полуфашистского приказа и жуткого проявления бюрократизма «в условиях переднего края» Даренским: «Знаете приказ “Ни шагу назад”? Вот молотит немец по сотням людей, а стоит отвести их на обратный скат высоты, и люди будут в безопасности, и тактического проигрыша никакого, и техника сохранится. Но есть приказ: “Ни шагу назад!”, – и держат под огнем и губят технику, губят людей» (Гроссман 1990: ч. 2, гл. 14, стр. 206). В основе данного приказа лежит обреченность судьбы солдата, как и в размышлениях Тербера в романе «Отныне и вовек», соответственно которым солдат есть «самый обыкновенный, вонючий, паршивый», который должен делать

«только то, что ему приказывают, а когда не надо, не высовывается и дурацких гражданских вопросов не задает!» (Джонс 1986: книга 5, стр.679).

Комическое проявление бюрократизма в советской армии заставляет голодать солдат пехотного подразделения, попавших в окружение. Летная часть получила приказ сбрасывать солдатам продукты на парашютах, а «интенданство отказалось выдать продукты, – нам нужно, говорят, чтобы на накладной расписывались, а как же они внизу распишутся, если им с самолета будут эти мешки сбрасывать? Уперся интендант и не дает» (Гроссман 1990: ч. 2, гл. 14, стр. 206). Среди военных персонажей романов «Отныне и вовек» и «Жизнь и судьба» много представителей нижних чинов, от рядового до старшины, и важное место в содержании изучаемых произведений занимают их армейский быт и уклад. Однако не существует разницы в армейских чинах перед лицом смерти: «Все у них как-то наоборот было, и внешность даже: командир человек простой, крестьянский сын, а комиссар перчатки носил, кольцо на пальце. Теперь лежат оба рядом» (Гроссман 1990: ч.1, гл.1, стр.21).

В романе «Отныне и вовек», условия службы Пруита, вряд ли покажутся для читателя «обременительными. Американские войска на Гавайях до Перл-Харбора не зря именовали “ананасной армией”» (Мулярчик 1978: 209). Как показывает Джонс, сержанты и рядовые в роте Пруита могли себе позволить немало вольностей, начиная от пьянства до открытого сожительства с проститутками, работавшими в публичных домах. Солдатам платили приличное жалование, часто отпускали их в увольнение, не замечали всевозможные нарушения строевого устава. Так выглядела поверхность армейского строя и правопорядка армии США, изображенной Джонсом. Однако, как и в романе «Жизнь и судьба», неоднократно в голосе автора слышны размышления солдат о своей незавидной жизни и судьбе. Возникновению таких «жалоб»,

как пишет Мулярчик, существуют «вполне основательные причины, корни которых уходят гораздо глубже поверхности армейского быта» (Мулярчик 1978: 209). Из этих корней вырастает в повествованиях Гроссмана и Джонса могучее чувство обреченности и одиночества солдата. По-своему ощущает и понимает это чувство и генерал Еременко, ведь война, «которую командующий привык толкать, вдруг втянула его в себя, он стоял тут, на сыпучем песке, одинокий солдат, потрясенный огромностью огня и грома, чувствовал, что народная война больше, чем его умение, его власть и воля» (Гроссман 1990: ч.1, гл.13, стр.27). Мотив одиночества слышен и в мелодии сигнала, сыгранной ночью горнистом Пруитом. У Пруита «горн не знал сомнений, не заикался» (Джонс 1986: книга 2, стр. 226). Эта мелодия для спящих в темных казармах солдат превращала «грубость в красоту, в сочувствие и понимание [...]». Это была «правдивая песня, песня о солдатском стаде, а не о боевых героях; песня о тех, кто в гарнизонной тюрьме чешется от грязи, дышит собственной вонью [...]; песня о липких, жирных котлах, которые ты отскребаешь в кухонных нарядах, песня о мужчинах без женщин [...]. Это песня о людях, у которых нет своего угла» (Джонс 1986: книга 2, стр.227). Эту мелодию помнили и знали все солдаты, а по вечерам от нее прятались, затыкали уши, чтобы уснуть, или выпивали, чтобы не слышать. Это была мелодия, в которой таилась «Правда Жизни», это песня «Великого Одиночества, что подкрадывается, как ветер пустыни, и иссушает душу» (Джонс 1986: книга 2, стр. 227). Когда прозвучала последняя нота сигнала горниста, «все разбрелись по казармам, опустив глаза и стыдясь собственных чувств, стыдясь вида обнаженной человеческой души» (Джонс 1986: книга 2, стр. 228). В романе «Жизнь и судьба» лейтенант Зубарев до войны учился пению в консерватории. По ночам он подбирался к немецким домам, и с риском быть убитым, начинал петь: «Быть может, здесь, где трупное зловоние день и ночь стояло в воздухе, он хотел

доказать не только себе и своим товарищам, но и врагам, что с прелестью жизни никогда не справятся могучие истребительные силы» (Гроссман 1990: ч.1, гл.61, стр.135).

Романы «Жизнь и судьба» и «Отныне и вовек» это не только военные рассказы о приказах и наставлениях, из которых невозможно узнать, что выражают глаза солдата во время ночной тревоги, что он чувствует, прижавшись лицом ко дну окопа. Особый интерес представляют рассуждения Гроссмана о способности и умении солдат и офицеров тонко чувствовать и «понимать внутренний дух боя, его накал и направление дальнейшего развития» (Тюшкевич 1989: 29). В романах сделана попытка авторов заглянуть в тоскующую душу воина, показать, что солдат даже в самых крайних обстоятельствах ищет ту соломинку, которая позволит человеку «удержаться на поверхности, не утонуть, не сломаться» (Ланин 1992: 24), а смириться со своей судьбой и выполнять поставленные задания. В романе Гроссмана голос солдатской тоски «сжимает сердце» (Гроссман 1990: ч.1, гл. 13, стр.27) не только у генерал-полковника, но и у читателя, который слышит, что «в протяжном крике поднявшейся в контратаку сталинградской пехоты было нечто не только грозное, но и печальное, тоскливое. [...] Боевое “ура”, пройдя над холодной ночной водой под звездами осеннего неба, словно теряло горячность страсти, менялось, и в нем открывалось совсем другое существо, – не задор, не лихость, а печаль души, словно прощающей со всем дорогим, словно зовущей близких своих проснуться, поднять голову от подушки, послушать в последний раз голос отца, мужа, сына, брата [...]» (Гроссман 1990: ч.1, гл. 13, стр.27). Силу солдатской печали и боли чувствует читатель Гроссмана и в словах Гетманова при его прощании со своей семьей: «Ко всему солдат может привыкнуть, солдат дымом греется, солдат шилом бреется. Но вот жить в разлуке с детьми, к этому солдат привыкнуть не может» (Гроссман 1990: ч. 1, гл.21, стр.57). Мощь этой силы ослабляет и мрачит человека. Гетманов ощущал

«пронзительное чувство нежности, тревоги, жалости к детям. Страстно хотелось обнять сына, дочерей, поцеловать их заспанные лица. Здесь ощущал он беспомощную нежность, нерассуждающую любовь, и здесь он терялся, стоял смущенный, слабый» (Гроссман 1990: ч.1, гл.22, стр.57).

Особенную роль в романах «Жизнь и судьба» и «Отныне и вовек» отведено описанию влияния военного быта на душевное состояние солдат. По словам Ланина, быт «как бы “вытягивает” человеческое сознание из кровавой сутолоки» (Ланин 1992: 24). Даже в самых неординарных, неожиданных обстоятельствах войны и армейской жизни быт диктует солдату хотя бы минимальные составные детали элементарного удобства его прежнего образа и ритма жизни, соответственно которым он живет в мирное время или вне армии. Ведь «человек не так легко покоряется судьбе, он стремится быть самим собой, оставаться прежним. И нередко его выручает быт» (Ланин 1992: 24). Быт помогает воинам Гроссмана и Джонса вернуться, хотя и на короткий промежуток времени, к тем элементам, которые составляют основу жизни. В романе «Отныне и вовек» самым приятным временем для солдат в гарнизоне был вечер, потому что это «время – личное, ты его тратишь, как тебе вздумается. Можешь промотать сразу, одним махом, а хочешь – рассчитывай каждую минуту, прикидывай как ребенок в кондитерском магазине: [...] столько-то на шоколадку, две ириски, четыре карамельки, [...], и еще останется два цента» (Джонс 1986: книга 1, стр. 221). И в романе Гроссмана солдаты обжились в кровавых окнах и укрытиях. Когда с наступлением темноты палеты немецкой авиации прекратились, то для военных старожиллов наступало «время бритв, постирушек, писания писем, время, когда фронтовые слесари, токари, паяльщики, часовщики мастерили зажигалки, мундштуки, светильники из снарядных гильз с фитилями из шинельного сукна, чинили ходики», а «на переднем крае хоронили погибших, и убитые проводили первую ночь своего вечного сна рядом с блиндажами

[...], где товарищи их писали письма, брились, ели хлеб, пили чай, мылись в самодельных банях» (Гроссман 1990: ч. 1, гл. 7, стр. 16-17). Свообразно приспособилась к войне и природа в романе «Жизнь и судьба». Военный пейзаж в романе Гроссмана это «описание некоей неестественной картины, какого-то воспалительного процесса, происходящего в ноосфере и затрагивающего все живое» (Ланин 1992: 23). Война в романе «Жизнь и судьба» влияет не только на судьбу солдата, она меняет даже законы природы: «Виляя тяжелым, полным шелкового волоса хвостом, побежала лисица, а заяц бежал не от нее, а вслед ей; поднялись в воздух, махая тяжелыми крыльями, соединенные, быть может, впервые вместе хищники дня и хищники ночи [...]. Кое-кто из сусликов спросонок выскочил из норы, как выбегают из горящих изб сонные, взлохмаченные дядьки. Вероятно, сырой утренний воздух на огневых позициях стал теплей на градус от прикосновения к тысячам горячих артиллерийских стволов» (Гроссман 1990: ч. 3, гл. 10, стр. 342).

Когда вновь и вновь перечитываешь и изучаешь страницы романов «Жизнь и судьба» и «Отныне и вовек», становится явным, что война ничего не может прибавить к культурному наследию человечества. Она ведет к гибели не только исполняющих военные приказы солдат, но и уничтожает их детей, жен, отцов и матерей. Уроки войны нельзя игнорировать или относиться к ним равнодушно. Нельзя утопить память о тех солдатах, которые сражались во Второй мировой войне, и о тех, которые выполняют свой воинский долг.

ЛИТЕРАТУРА

- Гроссман 1990: Гроссман В. Жизнь и судьба. Роман. // «Ээсти раамат». Таллин.
- Дедков 1988: Дедков И., Жизнь против судьбы. // Новый мир, №11, 231.
- Джонс 1986: Джонс Дж., Отныне и вовек. Роман. // «Радуга». Москва.
- Косарева 1985: Косарева Л., Война и современность. // Дружба народов, №2, 262.
- Ланин 1992: Ланин Б. А., Новая проза о войне и диалогия В. Гроссмана «Жизнь и судьба». // Российская академия образования. Институт общеобразовательной школы. Москва, 20-50.
- Мулярчик 1978: Мулярчик А., Война и мир Джеймса Джонса. // Иностранная литература, №9, 207-209.
- Муратова 1980: Муратова Э., Солдаты вернулись домой. // Литературное обозрение, №12, 101-102.
- Самарин 1969: Самарин Р., Воснизация читыва. // Иностранная литература, №12, 203.
- Смирнов 1986: Смирнов О., Неумирающие корни (военная проза: сегодня и завтра). // Вопросы литературы, №5, 33.
- Тошкевич 1989: Тошкевич С., Преодоление. // Литературное обозрение, №6, 29.
- Шоу 2001: Шоу И., Молодые львы. Роман. Предисловие к роману. // «Издательство АСТ». Москва. 2.

ABSTRACT

A tanulmányban a XX századbeli orosz és amerikai irodalom két nevezetes szerzőjének műve kerül összehasonlításra. Ezek Vasziliy Grosszman „Élet és sors” és Jones James „Most és mindörökké” c. legismertebb alkotásai. A tanulmányban két távoli kontinens hadseregének brutális gépezete kerül összehasonlításra a II. világháború idején. A két író a háborús regény jellegzetes művelője. A tanulmány központjában a katona sorsa és küzdelme szerepel nemcsak az ellenség ellen, hanem gyakran a hadvezérek értelmetlen, szükségtelen és pusztító parancsai ellen.

Надруковано:

СП "ПоліПрінт", м. Ужгород, вул. Тургенєва, 2
Зам. 331. Наклад 250.